

Отыскав среди книжных завалов то, что нужно, Гоудань тут же устроился на полу и погрузился в чтение. На разбросанные вокруг тома он даже не взглянул — просто перешагнул через них и устроился поудобнее. А-Сюаню только и оставалось, что со вздохом приняться за уборку. Сил сортировать книги по темам уже не было: собрать бы этот кавардак в один ящик, и то ладно.

Свалив книги в сундук, он задвинул его в дальний угол, скинул обувь и присел рядом.

Книга оказалась на английском. Последние полгода Гоудань усиленно занимался иностранным языком — его навыки разговорной речи, письма и понимания на слух шагнули далеко вперед по сравнению со скудными школьными знаниями. Так что теперь он читал почти без запинки.

Потянулись дни.

Трое суток напролёт Гоудань читал взахлёб, засиживаясь до глубокой ночи и не показывая носа на улицу. А-Сюань совсем извёлся от беспокойства. Как бы занят он ни был в госпитале, в каждый обеденный перерыв он сломя голову мчался домой, чтобы приготовить обед и буквально силой накормить друга, не дав ему заморить себя голодом.

К счастью, доктор Цинь уехал в санаторий — консультировать пациентов и подбирать им лечение. Старший брат Су увёз его на машине, и вернуться они должны были недели через две. Иначе беды не миновать: наставник быстро вывел бы их на чистую воду.

Сначала Гоудань взялся за книгу по психологии и физиологии мужской близости — в ней подробно описывалось, как партнерам подготовить себя к первому разу. Для юноши это стало настоящим откровением. То, что прежде казалось скрытым за плотной дымкой, прояснилось в один миг, будто с глаз сорвали повязку. А вот вторая книга — биографический роман с глубоким религиозным подтекстом и мрачными описаниями человеческой жестокости — оставила тяжёлый, гнетущий след.

Новые горизонты, открытые первой книгой, померкли перед беспросветной тоской второй. На душе у Гоуданя скребли кошки, грудь сдавило тяжёлым чувством бессилия, словно он уходил под воду и никак не мог глотнуть воздуха.

Когда совсем измученный, с красными от лопнувших сосудов глазами Гоудань наконец закрыл последнюю страницу, в комнату вошёл А-Сюань с охапкой тетрадей. Увидев лицо друга, он обомлел, выронил бумаги на пол и бросился к постели.

— Что с тобой, брат Гоудань?

Гоудань промолчал. Он лишь крепко сжал А-Сюаня в объятиях. Руки у него были железные, и А-Сюаню на миг показалось, что у него сейчас переломится хребет. Но он не стал вырываться. Как будущий медик, он понимал, что друг сейчас на грани нервного истощения. А-Сюань принялся мягко поглаживать его по затылку и спине, делясь своим теплом и безмолвно напоминая, что он рядом.

Лишь спустя время Гоудань глубоко вздохнул, потёр лицо руками и тихо выдохнул:

— Всё в порядке.

А-Сюань спорить не стал. Он быстро приготовил лапшу, накормил обоих, а когда посуда была убрана, с любопытством потянулся к отложенной Гоуданем книге.

— Давай-ка я почитаю вот эту, — А-Сюань указал на брошюру по психологии. — А вторую оставишь на потом.

Набив желудок горячей едой, Гоудань немного пришёл в себя. Мрак в душе понемногу рассеялся. Ощувив себя взъерошенным и грязным, он наскоро ополоснулся ледяной водой из ушата — голова сразу прояснилась.

Книга, которую он советовал почитать А-Сюаню, в основном касалась тонкостей психологии отношений, и лишь на последних страницах речь заходила о самом сокровенном. Гоудань даже специально загнул уголок на нужной главе.

Дочитав до этого места, А-Сюань густо покраснел и поспешно захлопнул фолиант. Увиденное повергло его в крайнее смущение — пожалуй, он испугался даже сильнее Гоуданя.

— Да тут... тут всё как-то смутно описано. Наверняка глупости какие-то понаписали!

Гоудань повалился на кровать и покатился со смеху. А-Сюань впился в него сердитым взглядом, и только тогда шутник кое-как справился с собой.

— На самом деле, — Гоудань приподнялся на локте, подперев щеку, — я как-то листал старые хроники на развалах у букинистов. Там упоминалось, что в эпоху Хань и Вэй-Цзинь мужская любовь была в большом почёте. А в некоторых бедных уездах, где мужчины не могли позволить себе выкуп за невесту, и вовсе существовал обычай заключать названные братские союзы. Так что теперь мне стало понятнее, как это устроено... Ой!

А-Сюань со всего маху влепил ему подушкой по лицу.

— И что же тебе понятно?! Даже не думай о глупостях! Это же... это же негигиенично! И вообще, грязно!

— Да я ведь ничего такого не сказал, — притворно заныл Гоудань, уворачиваясь от подушки.

— Знаю я тебя! — фыркнул А-Сюань.

Прожив с ним бок о бок столько лет, он по одному только блеску в глазах мог безошибочно угадать, какие черты пляшут в голове этого наглеца.

— Живо марш в академию! Тебе нужно закрыть больничный. Сколько дней ты нормально отучился? Вечно какие-то отгулы. И не вздумай прикрываться мной перед куратором, врать за тебя я не стану.

— Ладно-ладно, иду, — пробормотал Гоудань.

Вот только в голове у него сейчас роились исключительно фривольные мысли. Тяжёлый гнёт мрачной автобиографии испарился без следа, уступив место безудержному любопытству. Смущённый вид А-Сюаня разжёг в его груди такое пламя, что мысли путались, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. О каком сне тут вообще могла идти речь?

А-Сюань, глядя на его лихорадочный взгляд, прекрасно понимал, о чём мечтает этот паршивец. От стыда и досады у него горели уши.

Раньше они, конечно, ласкали друг друга руками. Поначалу стеснялись, но со временем привыкли и перестали стыдиться. Однако настоящая близость — это совсем другое дело. А-Сюань никак не мог приравнять их прежние шалости к полноценному соитию. Одно дело — дурачиться по-детски, и совсем другое — впустить Гоуданя внутрь себя, разделить с ним ложе, как настоящие супруги.

"Как это вообще возможно? — размышлял А-Сюань, углубляясь в анатомические дебри. — С точки зрения медицины, этот орган выполняет совершенно иную функцию. Подобные утехы противоестественны и опасны!"

В последующие дни А-Сюаню казалось, что Гоудань смотрит на него голодным волчьим взглядом. Это пугало и будоражило одновременно.

Но Гоуданя, похоже, медицинские доводы мало заботили. Он загорелся этой идеей, словно мальчишка новой игрушкой. А-Сюань изо всех сил старался избегать его плотоядных взглядов, но Гоудань так и лип к нему, словно преданный пёс, тихонько канюча: «Ну давай попробуем, ну А-Сюань, всего разочек...»

В конце концов А-Сюань просто спихнул его с кровати пинком.

— Даже не заикайся об этом!

Только тогда наглец утихомирился.

А-Сюань давно знал, что его названный брат не отличается скромностью, но истинные масштабы этой наглости открылись ему только теперь. Упрямство, детская непосредственность

и абсолютное отсутствие стыда у Гоуданя слились в такую сокрушительную смесь, что А-Сюань едва сдерживал оборону. Ему пришлось сполна ощутить на себе, насколько изворотливым и настойчивым может быть этот парень, когда чего-то по-настоящему захочет.

В конце концов Гоудань послушно вернулся к учёбе. Он и не подозревал, что А-Сюань втихомолку припрятал обе заветные книги и теперь украдкой перечитывал их сам, когда никто не видел.

В академии Гоудань первым же делом разыскал своих приятелей — Чэн Шу и Чжан Цзюньминя. Чэн Шу с ходу огорошил его новостью: несколько дней назад Янь Дунсуй просил передать, что намечается небольшая дружеская вечеринка «для своих», и Гоуданя ждут там в обязательном порядке.

— Что за вечеринка? Опять соберутся ребята из вашей золотой молодёжи? — поинтересовался Гоудань.

— Вроде того, — кивнул Чэн Шу.

— И зачем мне туда идти? Буду чувствовать себя бедным приживальщиком.

— Брось ты! Какой из тебя приживальщик? Не строй из себя недотрогу. Сходка хоть и закрытая, но без всякого пафоса. Никто не заставляет тебя заводить нужные знакомства или заглядывать кому-то в рот. Просто повеселимся за компанию.

— Ну ладно, заметано, — согласился Гоудань.

Раз уж Чэн Шу так настаивал, отказываться было бы глупо и невежливо. К тому же его никто ни к чему не обязывал. Разве плохо просто расширить кругозор, вкусно поесть и посмотреть, как живёт столичная номенклатура во втором и третьем поколении?

Попрощавшись с Чэн Шу, Гоудань вместе с одноклассниками отправился в библиотеку. По дороге Чжао Шэн по-братски приобнял его за шею и зашептал на ухо:

— Слушай, Ли Кай, откуда у тебя столько связей? С тобой пол-института здороваются, со всеми ты на короткой ноге. Даже эти пижоны из богатеньких семей с тобой за руку здороваются. Не забывай старых друзей, когда поднимешься!

— Что за чушь ты несешь? Какие ещё «пижоны»? С чего ты взял, что они какие-то особенные? И вообще, с какой стати я должен о вас забывать? Ты ещё скажи, что я тебе невесту выбирать буду!

— Ой, да ладно тебе отпираться! — хмыкнул Чжао Шэн, которого недаром прозвали Сплетником. — Я же всё вижу. Те парни, с которыми ты на площадке мяч гоняешь, явно не из

простых семей. У них родители на таких должностях сидят...

— Да хоть на каких! Какое нам до этого дело? Да и кто у нас в институте «простой»? Все мы здесь на равных правах учимся.

Поняв, что Гоудань всерьёз начинает раздражаться, Чжао Шэн благоразумно прикусил язык.

Тут в разговор вмешался Се Сююэ:

— Вообще-то с Ли Каем общаются, потому что он играет отлично и учится на пятёрки. Вполне естественно, что к нему тянутся. При чём тут чьи-то родители?

Для Се Сююэ мир был устроен просто: если человек любит спорт — он дружит со спортсменами, если любит науку — общается с отличниками. Зачем усложнять очевидные вещи? Вся эта мышиная возня с происхождением казалась ему пустой тратой времени.

— Вот! Сразу видно, что у Сяо Юэ голова на плечах, — улыбнулся Гоудань.

Он дружески приобнял Се Сююэ за плечи, и они зашагали вперёд, оставив Чжао Шэна плестись позади. Сплетник лишь обиженно надул губы.

Чэнь Вэньлай не упустил случая позлорадствовать:

— Так тебе и надо. Меньше совать нос в чужие дела будешь. Давно пора запомнить: Ли Кай больше всего не любит две вещи — когда без спроса трогают его пожитки и когда лезут в его личную жизнь. Будет тебе уроком.

— Да я же просто так, к слову пришлось... — пробормотал Чжао Шэн.

На том разговор и закончился. Вскоре Гоуданю стало совсем не до сплетен: на носу были промежуточные экзамены. Из-за бешеного учебного ритма у него просто не оставалось времени, чтобы крутиться возле А-Сюаня. Тот втайне вздохнул с облегчением — он всерьёз опасался, что Гоудань в порыве чувств наделает глупостей.

А когда Гоудань наконец уехал на ту самую закрытую вечеринку, в доме стало совсем непривычно тихо. А-Сюань даже поймал себя на мысли, что скучает.

Они не виделись почти полмесяца — огромный срок для тех, кто привык постоянно быть рядом. Когда Гоудань наконец вернулся, от его недавней навязчивой идеи не осталось и следа. Он без умолку трещал о поездке: рассказывал, куда они ездили с Чэн Шу, каких важных птиц он там встретил, как его пригласили на закрытую тренировочную базу, где он соревновался в единоборствах и даже подержал в руках настоящее боевое оружие. Рассказывал взахлёб, с

горящими глазами. Было видно, что эти две недели он провел великолепно, пока сам А-Сюань томился дома в глупых терзаниях.

— Жаль, тебя со мной не было, — с искренним сожалением добавил Гоудань.

Глядя на его довольное лицо, А-Сюань понял, что зря изводил себя. Гоудань из тех людей, кто при любых обстоятельствах чувствует себя как рыба в воде. От этой мысли на душе почему-то стало немного тоскливо.

— Ты ведь собирался разузнать насчёт строительства дома? Как успехи? — поспешил сменить тему А-Сюань.

— А, точно! Я попросил дядю Лю подыскать хороших людей. Мы ведь не потащим рабочих отсюда в нашу глушь. Чертежи мне уже сделали, пришлось, конечно, раскошелиться на архитектора, но оно того стоило. Теперь вся надежда на дядю Лю — пусть найдёт толковых строителей в уездном городе. Простые деревенские мужики в этих схемах ничего не поймут, да и построить так, как задумано, не сумеют.

Убедившись, что Гоудань не забросил важные дела, А-Сюань решил поделиться своими новостями:

— У нас на курсе началась анатомия. Теорию мы уже сдали, скоро перейдём к практике. Работы будет невпроворот. А ещё наставник хочет, чтобы на летних каникулах я остался в столице. Он планирует взять меня с собой на благотворительные приёмы — лечить бедняков в пригородах. Говорит, мне нужно нарабатывать практику.

— Значит, летом мы не сможем вместе поехать домой? — Гоудань мгновенно сдулся.

А-Сюань грустно кивнул:

— Похоже, так. Наставник считает, что без живого опыта вся моя зубрёжка не имеет смысла. Пора привыкать к пациентам. Даже если я поначалу буду просто записывать истории болезней в карты, это всё равно пойдёт на пользу.

Гоудань тяжело вздохнул и уныло опустил голову.

<http://bllate.org/book/19654/1996819>